

Заметив, что Ань Жун задумался, Му Яньянь окликнула его:

— Брат Ань Жун.

Он тут же очнулся и с безмятежной улыбкой произнёс:

— Зачем тебе злиться на такого человека?

Услышав это, Му Яньянь почувствовала облегчение, но внутри всё ещё оставалась тревога. Она добавила:

— Меня бесит его высокомерие. Он одет в лохмотья, а ведёт себя так, будто он выше всех. Он, кажется, совсем не понимает разницы между благородным и низким.

Затем, осторожно взглянув на Ань Жуну, она спросила:

— Какие у тебя отношения с этим человеком?

Ань Жун холодно уставился на неё:

— А как ты думаешь?

Му Яньянь хорошо знала Ань Жуну и поняла по его тону, что он уже раздражён. Больше она не осмелилась спрашивать.

— Не задавай вопросов, на которые не следует отвечать, — тихо, но весомо произнёс Ань Жун.

В комнате повисла гнетущая тишина. Му Яньянь почувствовала напряжённость и, придумав отговорку, поспешила удалиться. Спустившись вниз, она увидела того самого человека: он притаился у лестницы, делая вид, что протирает перила тряпкой, но его взгляд то и дело украдкой скользил на второй этаж. Увидев её, он, казалось, успокоился.

Му Яньянь остановилась перед А Ци, смотря на него свысока. Она долго молчала, и этот оценивающий, полный пренебрежения взгляд заставлял жалкое положение А Ци проявляться ещё явственнее. Уходя, она бросила фразу:

— Смешно, не ведая меры!

А Ци, неграмотный, не понял её слов и специально спросил у служанки Ся Хэ, которая кое-как умела читать. Ся Хэ объяснила:

— Это значит «не ведать меры», понимаешь? Не знать своих сил. Когда дело явно тебе не по плечу, а ты всё лезешь, куда не следует.

А Ци мысленно переварил её объяснение. Кажется, понял, а кажется — и нет. Но он подумал, что его мужчина наверняка поймёт, и решил спросить у Ань Жуну.

Когда А Ци вошёл в комнату, он сразу уловил тот самый запах пудры. Ань Жун, хотя и подводил иногда глаза и использовал румяна, делал это едва заметно. А Ци знал, что этот запах — от Му Яньянь. Окна были плотно закрыты, и аромат не выветривался, застоявшись в комнате.

— Что нужно? — спросил Ань Жун, держа на руках Сяо Хуана и читая свиток. Сяо Хуан вёл себя смиренно, лишь широко раскрыв глаза и уставившись на А Ци.

— Ничего особенного... Просто зашёл проведать.

Ань Жун отложил книгу и похлопал по краю лежака, приглашая А Ци сесть. Тот, не скрывая радости, поспешил подойти и устроился рядом.

— Что ты говорил сегодня Яньянь? — спросил Ань Жун.

А Ци не ожидал такого вопроса. Он сжал губы и промолчал.

Ань Жун усмехнулся:

— Когда ты с ней разговаривал, вряд ли был таким смиренным, как сейчас.

А Ци опешил, уставившись на Ань Жуна. В горле у него пересохло, и он не мог вымолвить ни слова. Обида подступала к горлу.

— Уходи.

А Ци, словно очнувшись, попытался что-то сказать, но голос его был хриплым:

— Нет... это она сначала...

— Довольно! Я сказал — уходи.

А Ци поднялся с лежака, сгорбившись, и поплёлся к двери на ослабевших ногах.

Видя его жалкий, обиженный вид, в сердце Ань Жуна шевельнулась слабая жалость, но она мгновенно была скована льдом.

— Ты знаешь, чем пахнет в этой комнате? — спросил он.

А Ци обернулся и покачал головой, не понимая намёка.

И тогда прекрасные губы Ань Жуна разомкнулись, произнеся слова, что стали самыми жестокими в жизни А Ци:

— Это запах женщины. Такой сладкий аромат у тебя никогда не появится.

А Ци бросился прочь, как затравленный зверь. В этой схватке с Му Яньянь он потерпел сокрушительное поражение. Отныне он не посмеет.

Ань Жун отвёл взгляд от двери, за которой скрылась та жалкая фигура, и вновь опустил глаза на Сяо Хуана, медленно поглаживая его по спинке. Но свиток, лежавший у изголовья, больше не привлекал его внимания.

А Ци вдруг сам понял, что значит «смешно, не ведая меры». Видишь, иногда не обязательно спрашивать — достаточно на собственном опыте пережить, чтобы прочувствовать смысл.

Дни тянулись один за другим. А Ци казалось, что его окончательно забыли, выбросили в какую-то щель, заросшую бурьяном. Каждую ночь он проводил пальцами по вырезанным на изголовье кровати иероглифам «Ань Жун, Ци Гуан» и спрашивал себя: неужели его и вправду бросили? Он не находил ответа и каждый раз в своих снах искал его, чтобы спросить напрямую. Во сне тот выглядел так же, но характер его был совсем другим. Они жили вместе в простой соломенной хижине в Шуяне...

Ежегодно в середине третьего месяца в империи Дунчэн проводился самый грандиозный храмовый праздник. В это время улица Линьань становилась невероятно оживлённой, заполненной торговцами мелочёвки, знатью, учёными мужами и, конечно, простым народом. А Ци в прежние годы тоже любил в это время приобщиться к веселью, пробираясь в самую гущу толпы на Линьань.

Прошёл уже больше месяца с тех пор, как Ань Жун в последний раз звал А Ци к себе. Было время, когда они не разлучались почти ни на день, молодые и горячие, как сухие хворост, вспыхивающий от искры. Но после того визита Му Яньянь Ань Жун словно подменили. А Ци не выдержал и однажды сам пришёл к нему, даже раздетый догола, предстал перед ним во всей своей наготе. Но в ответ получил лишь одно слово: «Вон». Сердце А Ци обледенело. Дрожь, под испепеляющим взглядом того человека, он подобрал свою одежду, оделся и больше не ступал на второй этаж.

В тот день хозяйка велела А Ци подняться наверх и позвать господина Цюэ — мол, прибыл господин Бао из шёлковой лавки. Вот так он и ступил на второй этаж, думая, что передаст поручение и сразу уйдёт, и вряд ли столкнётся с ним. Кто бы мог подумать, что как раз выходящим из комнаты окажется Ань Жун.

А Ци застыл на месте, уставившись на Ань Жуну. Между ними словно пролегла целая река. Смотря на него, А Ци почувствовал, как глаза начинают сохнуть и чесаться. Он потёр их — пальцы стали мокрыми. В душе он презирал себя: стоит только встретиться с этим человеком, как он перестаёт быть мужчиной, превращаясь в жалкую, обиженную женщину.

Странно: казалось, нужно было развернуться и уйти, но ноги А Ци словно выросли в пол, отяжелели на тысячу цзиней, и он не мог сдвинуться с места. Ань Жун подошёл, не говоря ни слова, схватил его за руку и потащил в свою комнату. Войдя, швырнул его на кровать. Хорошо, что перина была мягкой, иначе спина А Ци точно бы пострадала. Ань Жун навис над ним, уперев руки по бокам, и они оказались лицом к лицу.

— Ненавидишь меня? — вдруг спросил Ань Жун. В его взгляде читалась и боль, и жестокость.

А Ци отвернулся, не глядя на него и не отвечая.

— Почему всё это время не приходил? Раньше же вилял хвостом, как пёс, умоляя, чтобы я тебя взял.

А Ци внезапно широко раскрыл глаза, уставившись на Ань Жуну с выражением глубокой раны и поражения, но так и не смог выдавить из себя ни звука. Сердце его было подобно мёртвой реке, скованной льдом.

Этот вид был поистине жалок. Ань Жун смягчился, ущипнул А Ци за щёку:

— Только поправился немного — и снова исхудал.

А Ци отмахнулся от его руки. В его глазах горела непокорность.

Ань Жун вздохнул, перевернулся и лёг рядом с А Ци. Тот, освободившись, хотел было встать, но Ань Жун снова притянул его к кровати.

— Да отпусти ты, чёрт возьми! — взорвался А Ци. Кажется, это был первый раз, когда Ань Жун видел его в таком гневе. Он думал, что этот медлительный характер никогда не способен вспыхнуть.

Ань Жун рассмеялся, затем крепко сжал запястья А Ци и грубо прижался губами к его губам. А Ци стиснул зубы, но не смог устоять против яростного натиска Ань Жуна. Не прошло и мгновения, как его тело обмякло, погружаясь в давно забытую страсть.

После всего А Ци не сразу ушёл, а прикорнул в объятиях Ань Жуна. Оба были обнажены. Неизвестно, о чём думал А Ци, положив голову на грудь Ань Жуна и уставившись в одну точку. Ань Жун, опустив взгляд, видел это глуповатое, застывшее выражение лица.

— На что уставился? — спросил он.

А Ци не ответил. Видимо, злость ещё не прошла. Этот парень действительно наглел, теперь начал заноситься, пользуясь «благосклонностью».

— Господин Лин, вы просили... — Чунь Жуй, не постучав, вошла в комнату. Её смех застрял в горле. Она застыла в дверях, не зная, войти или выйти, чувствуя, что натворила беды.

Ань Жун мгновенно натянул одеяло повыше, прикрыв обнажённую шею А Ци, и холодно бросил:

— Вон!

Это было проявлением крайнего чувства собственности. Его человек принадлежал только ему, и никакой посторонний не смел на него глазеть. Ань Жун смягчил ледяное выражение лица, взглянул на А Ци, и во взгляде его промелькнула нежность:

— Можешь радоваться украдкой.

<http://bllate.org/book/16237/1459425>